

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

Distr.: General
13 March 2024
Russian
Original: English

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Решение по сообщению № 165/2021, принятое Комитетом в соответствии со статьей 4 (2) (с) Факультативного протокола^{*,**}

<i>Сообщение представлено:</i>	С.Т.Х. (интересы которой представляют адвокаты Стефани Мотц и Леа Хунгербюлер)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата подачи сообщения:</i>	20 января 2021 года
<i>Справочная информация:</i>	препроведена государству-участнику 22 января 2020 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	16 февраля 2024 года

1.1 Сообщение представлено С.Т.Х., гражданкой Эфиопии и Эритреи¹, родившейся в 1988 году. Автор утверждает, что ее депортация из Швейцарии в Эфиопию нарушит ее права по статьям 2 b)–g), 3, 5, 6 и 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин из-за риска того, что по возвращении в Эфиопию она может подвергнуться серьезному сексуальному насилию и дискриминации по гендерному признаку — риска, который не был оценен швейцарскими властями по существу, что привело к принятию произвольных и несправедливых с процедурной точки зрения решений. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу в отношении государства-участника

* Принято Комитетом на его восемьдесят седьмой сессии (29 января — 16 февраля 2024 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Бренда Акиа, Хироко Акидзуки, Мэрион Бетел, Летисия Бонифас Альфонсо, Хилари Гбедема, Ямила Гонсалес Феррер, Рангита Де Сильва де Алвис, Коринна Деттмейер-Вермёлен, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Марианна Микко, Майя Морси, Ана Пелаэс Нарваэс, Бандана Рана, Рода Реддок, Эльгюн Сафаров и Эстер Эгобамьен-Мшелия.

¹ Швейцарские власти сомневаются в том, что автор является гражданкой Эритреи, поскольку о ее рождении никогда не сообщалось эритрейским властям.

26 апреля 1997 года и 29 декабря 2008 года соответственно. Интересы автора представляют адвокаты Стефани Мотц и Леа Хунгербюлер.

1.2 22 января 2021 года в соответствии со статьей 5 (пункт 1) Факультативного протокола и правилом 63 своих правил процедуры Комитет, действуя через свою Рабочую группу по сообщениям в соответствии с Факультативным протоколом, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от депортации заявительницы в Эфиопию до завершения рассмотрения ее дела Комитетом. 28 января 2021 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно просило компетентный орган не предпринимать никаких шагов для высылки автора, пока ее сообщение будет находиться на рассмотрении в Комитете.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения родилась в Гимби, Эфиопия, ее мать — гражданка Эфиопии, а отец — гражданин Эритреи. Первые годы своей жизни, за исключением короткого периода, проведенного в Аддис-Абебе, она жила в Гимби со своей матерью. После того как ей исполнилось 8 лет, она жила у своего дяди в Аддис-Абебе, где продолжила обучение в третьем классе школы. В 1998 году автор вместе с матерью и братом отправилась вслед за отцом в Ассаб, Эритрея. Ее брат был призван в эритрейскую армию и впоследствии погиб во время службы. Опасаясь, что с ней произойдет то же самое, автор вместе с матерью вернулась в Эфиопию. Она продолжила учебу в Аддис-Абебе и в 2008 году стала медсестрой. С 2009 по 2010 год она работала медсестрой в больнице «Рас-Деста». Она уволилась с этой работы, чтобы помогать своей матери, которая работала в Гимби.

2.2 Два дяди автора по материнской линии — известные члены Фронта освобождения оромо². По этой причине автора и ее мать заподозрили в поддержке этого движения. Впервые они были взяты под стражу в 2012 году; их допрашивали по отдельности о двух дядях автора по материнской линии в течение примерно двух часов в полицейском участке в Гулеле. Автора спрашивали о причинах, по которым она уезжала в Ассаб, и о том, почему она вернулась. Ее также допрашивали о связях ее отца с Фронтом освобождения оромо. Полиция трижды заключала автора под стражу и допрашивала ее о Фронте освобождения оромо (дважды в Гимби и один раз в Аддис-Абебе). В последний раз полицейские избili ее мать до крови, так как она не отвечала на вопросы; автора тоже ударили, потому что она начала плакать. Один из полицейских сказал автору, что у нее не будет проблем, если она вступит с ним в связь. Поскольку она отказалась это сделать и не давала ответов, на которые рассчитывали полицейские, они сильно ее оскорбляли и избивали рукоятками пистолетов. В конце концов их с матерью отпустили, но она не могла выходить одна на улицу без того, чтобы ее постоянно не останавливали и не преследовали полицейские.

2.3 После этих инцидентов автор решила бежать из страны, заручившись помощью матери и контрабандиста. Она прибыла в Швейцарию 25 июля 2012 года и в тот же день обратилась с просьбой о предоставлении убежища. Вскоре после этого, 7 августа, состоялось первое собеседование с ней, которое проводил мужчина. 5 мая 2014 года состоялось второе слушание, причем проводили его исключительно женщины. 2 июля 2015 года Государственный секретариат миграции отклонил ходатайство автора о предоставлении убежища, заявив, что она не смогла доказать наличие правдоподобного риска преследования, и сославшись на незначительные расхождения между ее заявлениями в ходе первого и второго

² Фронт освобождения оромо считается в Эфиопии террористической организацией, а его члены и их семьи преследуются в судебном порядке и подвергаются гонениям.

собеседований. Ее апелляция была отклонена Федеральным административным судом 20 августа 2015 года по тем же причинам.

2.4 В апреле 2016 года автору удалось получить несколько важных документов, а именно: эфиопское удостоверение личности, свидетельство о рождении, свидетельство о крещении, четыре повестки в суд и копию письма из Фронта освобождения оромо о членстве братьев ее матери в этой партии. Она представила эти документы в Федеральный административный суд 3 мая 2016 года, подав заявление о пересмотре предыдущего решения Суда. Однако Суд отклонил это ходатайство, сославшись на то, что срок подачи новых документов истек, поскольку относящейся к делу датой оставалась дата получения документов, а не дата их письменного перевода. 31 августа 2016 года автор подала еще одно ходатайство о пересмотре дела на основании судебных повесток, в которых ее матери предлагалось предоставить информацию о своей дочери. Ее мать также была арестована и внесла залог, чтобы ее отпустили. Мать не смогла присутствовать на судебном заседании, так как летом 2016 года она тяжело заболела и была госпитализирована; вскоре она умерла.

2.5 2 ноября 2020 года автор была подвергнута административному задержанию. 17 ноября власти попытались депортировать ее в Эфиопию, чему она воспротивилась, опасаясь преследований и насилия по гендерному признаку в Эфиопии. С учетом событий, происходивших тогда в Эфиопии, и неизбежного риска депортации она подала 4 декабря 2020 года ходатайство о пересмотре дела в Государственный секретариат по миграции. 18 декабря ее просьба была отклонена. 11 января 2021 года Федеральный административный суд приостановил исполнение постановления о депортации, однако через два дня отменил это решение, сославшись на то, что апелляция автора не имеет шансов на успех. 13 января 2021 года суд отменил приостановление исполнения постановления о высылке в Эфиопию. Таким образом, реальное средство правовой защиты, которое могло бы предотвратить неизбежную принудительную высылку автора до вынесения окончательного судебного решения, отсутствует.

2.6 На момент представления сообщения в Комитет автор находилась под стражей, в ожидании того, что 27 января 2021 года ее принудительно вывезут из Швейцарии специальным рейсом уровня 4, во время которого она будет находиться в кандалах и обездвижена, и ее будут сопровождать двое полицейских.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ее права нарушены в соответствии со статьями 2 b)–g), 3, 5, 6 и 11 Конвенции. Она утверждает, что по причине ее этнической принадлежности (тигринья), происхождения ее отца (Эритрея), известных политических взглядов и деятельности ее дядей (Фронт освобождения оромо), отсутствия у нее семейных, социальных или экономических связей поддержки в Эфиопии и нарастающего кризиса в Эфиопии, откуда поступают сообщения о военных преступлениях на этнической почве, включая систематические изнасилования женщин, в случае возвращения в Эфиопию она подвергнется огромной и неминуемой опасности сексуального или гендерного насилия.

3.2 Что касается ошибок швейцарских властей при рассмотрении ее ходатайства о предоставлении убежища, то автор утверждает, что власти не применили подход с учетом гендерных факторов во время ее первого собеседования, что не позволило ей открыто рассказать о своем опыте общения с местной полицией и о своих опасениях в случае высылки в Эфиопию. Решение Государственного секретариата по миграции об участии во втором собеседовании только представительниц женского пола свидетельствует о том, что существовала необходимость в проведении слушания с учетом гендерной специфики. Хотя она

постепенно смогла говорить откровенно и рассказала об избиваниях и оскорблениях, которым она подверглась со стороны полиции, некоторые незначительные расхождения в ее заявлениях, сделанных во время первого и второго собеседований, были использованы против нее, что привело к отказу в удовлетворении ее ходатайства о предоставлении убежища. Кроме того, Федеральный административный суд в своем последнем решении опирался лишь на предположения Государственного секретариата и не провел индивидуальную оценку конкретной ситуации автора. Согласно этим предположениям, принудительная высылка автора в Эфиопию, за исключением региона Тыграй, в целом квалифицируется Судом в качестве разумного варианта. Однако автор утверждает, что, поскольку упомянутый конфликт, имеющий политический и этнический характер, выходит за пределы региона Тыграй, автор подвергается особому риску в силу своей этнической принадлежности, происхождения и связей с Фронтом освобождения оромо. Что касается вопроса о том, является ли высылка автора как незамужней женщины разумной в данный период, то Суд, принимая решение об отмене временных мер, принятых за два дня до этого, опирался на соображения, связанные с его решением пятилетней давности, которое, опять же, было в значительной степени основано на первом собеседовании.

3.3 Утверждается, что автору, незамужней женщине, не имеющей родственников в Эфиопии, будет невозможно реинтегрироваться после того, как она покинула страну почти девять лет назад, с учетом смерти ее брата и матери, а также исчезновения ее отца в Эритрее. Единственные потенциально выжившие члены семьи — ее дяди, которые тесно связаны с Фронтом освобождения оромо.

3.4 Женщины-репатриантки оказываются в особо сложном положении, поскольку они, как правило, не имеют финансовых средств и испытывают еще более значительные, чем мужчины, трудности в плане экономической реинтеграции. Поскольку эфиопская система социального обеспечения не предусматривает никаких льгот для таких людей, как автор, после возвращения автор рискует остаться на улице без каких-либо средств к существованию. Ввиду отсутствия в Эфиопии социально-экономических связей поддержки автор была бы вынуждена заняться проституцией.

3.5 Кроме того, известно, что до смерти матери автора в 2016 году власти пытались задержать автора по подозрению, что она (и/или члены ее семьи) связана(ы) с Фронтом освобождения оромо (политическое преследование). За политическими врагами ведется наблюдение, особенно сейчас, во время кровопролитного кризиса в стране. С учетом прошлого автора существует большая вероятность того, что она вновь подвергнется жестокому обращению. Поскольку она бежала из страны и находилась за границей более восьми лет, а возвращаться будет специальным рейсом, вполне вероятно, что власти отнесутся к ней с еще большим подозрением. Положение женщин, содержащихся под стражей или арестованных, особенно опасно, поскольку они регулярно становятся жертвами сексуального насилия в местах лишения свободы.

3.6 Кроме того, люди в Эфиопии, особенно представители уязвимых групп, такие как одинокие женщины, подвергаются особым рискам из-за продолжающейся гражданской войны. Несмотря на то что автор не проживала в наиболее пострадавшем регионе Тыграй, ее этническая принадлежность к народу тигринья, предполагаемые политические взгляды (ее и членов ее семьи), а также отсутствие системы социальной поддержки обуславливают ее особую уязвимость для нападений.

3.7 И наконец, особые меры по ее депортации (депортация уровня 4) подвергаются резкой критике со стороны гражданского общества и таких международных организаций, как Комитет против пыток. Более того, такое обращение с

уязвимыми и/или психологически травмированными людьми — когда их часами держат в кандалах, перевозят в инвалидных колясках, ограничивают их движения и заставляют надевать шлемы для того, чтобы контролировать положение головы, — можно квалифицировать исключительно как бесчеловечное обращение. Хотя эти меры, вероятно, принимаются для того, чтобы контролировать поведение некоторых возвращающихся преступников, они определенно не предназначены для применения к молодой, ни в чем не повинной и не проявляющей агрессии женщине, которая вполне обоснованно боится возвращаться на родину.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 20 сентября 2021 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Сначала государство-участник подробно изложило обстоятельства дела. Государство-участник отметило, что Государственный секретариат по миграции своим решением от 18 декабря 2020 года квалифицировал ходатайство автора как ходатайство о пересмотре в соответствии с пунктом b) статьи 111 Закона «Об убежище» (заявив о последующем изменении ситуации в отношении препятствий к исполнению), а не как неоднократное ходатайство по смыслу пункта c) статьи 111 Закона «Об убежище». Государственный секретариат по миграции отклонил просьбу о повторном рассмотрении и постановил, что решение от 2 июля 2015 года стало *res judicata* и подлежит исполнению. Он также постановил, что любая апелляция не будет иметь приостанавливающего действия (см. приложение В6.2 к сообщению). Подпункт b) пункта 3) статьи 111 Закона «Об убежище» предусматривает, что подача ходатайства о пересмотре дела не приостанавливает исполнение постановления о высылке. Орган, ответственный за рассмотрение этого ходатайства, может по запросу приостановить действие постановления в том случае, если заявителю угрожает опасность в государстве его/ее происхождения.

4.2 Государство-участник далее утверждает, что 8 января 2021 года автор подала апелляцию на это решение в Федеральный административный суд с просьбой об отсрочке высылки. Решением от 11 января 2021 года суд приостановил исполнение постановления о высылке на основании статьи 56 Федерального закона «Об административном производстве» от 20 декабря 1968 года. В своем решении от 13 января 2021 года Суд отменил приостановление исполнения постановления о высылке и отклонил ходатайство о принятии временных мер. Он обосновал это решение тем, что апелляция не имела шансов на успех. В этих обстоятельствах общественные интересы в плане обеспечения исполнения решения Государственного секретариата по вопросам миграции, которое стало *res judicata*, перевешивает заинтересованность автора в получении возможности дожидаться результатов разбирательства в государстве-участнике. Наконец, Суд попросил автора выплатить аванс в размере 1500 швейцарских франков на покрытие расходов за период вплоть до 28 января 2020 года.

4.3 Поскольку автор утверждает, что власти кантона оказали давление на Федеральный административный суд с целью отмены приостановления исполнения постановления о высылке и что суд поддался этому давлению, государство-участник подчеркивает, что это утверждение является необоснованным и не соответствует действительности. В своем сообщении Комитету автор не предоставила никакой информации, которая могла бы поставить под сомнение решения национальных органов, занимающихся вопросами предоставления убежища. 22 января 2021 года по просьбе Комитета суд приостановил исполнение постановления о высылке. В своем постановлении от 5 февраля 2021 года Федеральный административный суд не принял решения по апелляции, которую он счел явно необоснованной, поскольку автор не внесла аванс на покрытие расходов. В

этом постановлении Суд просил Государственный секретариат по миграции, исходя из юрисдикционных соображений, принять меры, необходимые для приостановления исполнения постановления о высылке, и просил власти кантона воздержаться от исполнения постановления о высылке до тех пор, пока Государственный секретариат не даст указания о том, как действовать дальше.

4.4 Государство-участник заявляет, что утверждения автора о том, что ее первое собеседование со швейцарскими властями не было проведено с учетом гендерного фактора и что власти не провели индивидуальную оценку рисков в нарушение ее прав по статьям 2 е) и f) и 3 Конвенции, не упоминались автором в ходе обычной процедуры предоставления убежища или в ее ходатайствах о пересмотре или повторном рассмотрении решения Государственного секретариата по миграции от 2 июля 2015 года или постановления Федерального административного суда от 20 августа 2015 года (ее апелляции от 29 июля 2015 года и 8 января 2021 года). По этой причине государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.5 Государство-участник подчеркивает также, что автор не обращалась к национальным властям с жалобой на то, что ее высылка специальным рейсом (мера уровня 4) противоречит запрету на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и гендерное насилие, ссылаясь на статьи 2 и 3 Конвенции. Следовательно, государство-участник предлагает Комитету заявить, что в этом плане сообщение также является неприемлемым ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.6 Кроме того, в отношении нового утверждения о том, что автор подвергалась преследованиям со стороны сотрудника полиции, государство-участник отмечает, что автор не упоминала об этом в ходе обычной процедуры подачи ходатайства о предоставлении убежища. Учитывая неисчерпание средств правовой защиты, государство-участник предлагает Комитету не принимать это утверждение во внимание. Наконец, что касается смерти матери автора, то следует отметить, что автор не упоминала об этом в ходе процедуры пересмотра дела в национальных органах власти. В своем ходатайстве о пересмотре дела от 3 декабря 2020 года она лишь утверждала, что она более не поддерживает никаких контактов с членами семьи.

4.7 Государство-участник далее утверждает, что жалоба автора на то, что швейцарские власти не провели слушание с учетом гендерных факторов и индивидуальную оценку рисков в нарушение ее прав по статьям 2 е) и f) и 3 Конвенции, также является явно беспочвенной и недостаточно обоснованной. Первое слушание автора касалось личных данных. Его проводил мужчина, которому помогала женщина-переводчица, примерно через две недели после подачи автором прошения о предоставлении убежища. Как правило, на этот момент какие-либо гендерные соображения еще не известны. Кроме того, в ходе первого слушания автор не приводила никаких аргументов, касающихся гендерных аспектов. В ходе второго слушания, которое проводила женщина, автор также не привела никаких подобных аргументов. Переводчиком на втором слушании также была женщина. Автор имела возможность полностью высказаться во время процедуры подачи и рассмотрения прошения о предоставлении убежища. Ни во время слушаний, ни позднее она не заявляла, что не могла свободно говорить во время этих двух слушаний или что поведение участвовавших в них лиц давало повод для критики. В этой связи государство-участник отмечает, что автор подтвердила точность протоколов этих двух слушаний, подписав их, и заявила, что она хорошо понимала переводчика.

4.8 Поскольку автор утверждает, что она не могла открыто говорить на первом слушании, которое проводил мужчина, и что расхождения между первым и вторым слушаниями объясняются этим фактом, государство-участник подчеркивает, что противоречия, выявленные национальными органами, занимающимися вопросами предоставления убежища, касаются количества приводов в полицейский участок и слушаний в полиции, а не аргументов, связанных с гендерными аспектами. Эти противоречия нельзя объяснить тем, что первое слушание проводил мужчина. Кроме того, швейцарские органы, занимающиеся вопросами предоставления убежища, провели индивидуальную оценку риска, которому подвергнется автор в случае возвращения в Эфиопию, и приняли во внимание аргументы, приведенные автором, а также общую ситуацию в Эфиопии. Что касается личности автора и ее жилищных условий в Аддис-Абебе, то компетентные органы провели проверку на месте через швейцарское представительство в Аддис-Абебе.

4.9 Автор утверждает, что существует реальный угрожающий жизни автора риск того, что в случае возвращения в Эфиопию она окажется в бесчеловечной и унижающей достоинство жизненной ситуации, а также столкнется с сексуальным насилием и будет вынуждена заниматься проституцией. Однако ей не удастся доказать наличие этого реального риска лично для нее. Это всего лишь утверждения, а доклады, на которые ссылается автор, являются документами общего характера, которые не касаются ее конкретно. Кроме того, автор не отвечает на замечания властей страны о том, что в ее случае существуют благоприятные индивидуальные факторы, в частности наличие школьного и профессионального образования, а также профессионального опыта. Таким образом, государство-участник считает, что автор не обосновала в достаточной степени, каким образом для целей приемлемости процедура рассмотрения прошения о предоставлении убежища привела к дискриминации по гендерному признаку. Нет никаких оснований для вывода о том, что швейцарские органы, занимающиеся вопросами предоставления убежища, не рассмотрели ходатайство автора достаточно тщательным образом или что рассмотрение ее ходатайства как женщины, ищущей убежища, могло быть признано недействительным из-за каких-либо процессуальных ошибок.

4.10 Что касается утверждений автора о том, что ее высылка специальным рейсом (мера уровня 4) противоречит запрету на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и гендерное насилие и что власти не применили подход, учитывающий гендерные аспекты, то государство-участник заявляет, что, помимо того, что эта жалоба является неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты, она также явно необоснованна и недостаточно аргументирована. Автор опирается главным образом на запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (статья 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года), но это не доказывает, что высылка специальным рейсом сама по себе представляет собой дискриминацию по гендерному признаку.

4.11 Утверждения автора о том, что специальные рейсы организуются только для преступников-рецидивистов, совершивших насилие по отношению к другим людям, и что власти обращались с ней как с правонарушителем, склонным к насилию и очень опасным человеком, не имеют под собой оснований. Государственный секретариат по миграции организует специальный рейс в том случае, когда репатриация обычным рейсом оказывается невозможной. В данном случае из материалов дела следует, что автор отказалась воспользоваться регулярным рейсом, который был запланирован для ее возвращения. В этих обстоятельствах был запланирован специальный рейс. Не было никаких признаков того, что

компетентные органы обращались с автором как с правонарушителем и что организация специального рейса привела к гендерной дискриминации. Оба сотрудника, выделенные для сопровождения автора на спецрейсе, являются женщинами. На этот специальный рейс было назначено два сотрудника по реагированию в чрезвычайных ситуациях: женщина и мужчина. Следовательно, в подходе властей государства-участника учитывались гендерные аспекты. Государство-участник считает, что автор недостаточно обосновала для целей приемлемости, каким образом возвращение спецрейсом приведет к дискриминации по гендерному признаку и, следовательно, к нарушению положений Конвенции.

4.12 Государство-участник утверждает, что автор в основном оспаривает то, как органы, занимающиеся вопросами предоставления убежища, оценили фактические элементы ее заявления о предоставлении убежища и пришли к выводу, что убежище ей не может быть предоставлено. Государство-участник считает, что национальные власти дали полный и точный ответ на все ее утверждения в ходе обычной процедуры рассмотрения прошения о предоставлении убежища. Они сочли утверждения о преследовании неприемлемыми из-за противоречий и недостатка содержательной информации (например, из-за наличия заявлений общего характера или расплывчатых заявлений), а также необоснованными. В частности, утверждения о том, что вся семья автора подозревалась в поддержке Фронта освобождения оромо или что автора несколько раз доставляли в полицейский участок и избивали полицейские, не были убедительно доказаны. Следует также отметить, что автор легально покинула Эфиопию на самолете, воспользовавшись своим паспортом, что говорит о том, что на момент отъезда не существовало никакой соответствующей угрозы, которая требовала бы предоставления убежища или была бы связана с правами человека.

4.13 Кроме того, автор повторяет в Комитете утверждения, которые она уже делала в ходе чрезвычайной процедуры подачи ходатайства о предоставлении убежища в 2016 году. В этой связи государство-участник ссылается на постановление Федерального административного суда от 16 июня 2016 года. Оно также указывает, что автор не обжаловала в Суде решение Государственного секретариата по миграции от 5 сентября 2016 года. В рамках обоих разбирательств органы власти — хотя они и не вникали в суть дела — рассмотрели вопрос о возможной явной угрозе нарушения международных прав и ответили отрицательно.

4.14 Что касается предполагаемого преследования, то государство-участник отмечает, что оно не подпадает под действие Конвенции. Сама автор утверждает, что это преследование было политическим — из-за предполагаемого членства ее дядей во Фронте освобождения оромо, — а не направленным против нее как женщины.

4.15 Кроме того, автор утверждала, что, будучи гражданкой Эритреи, она рискует быть высланной из Эфиопии в Эритрею («цепная» высылка). Государство-участник считает, что наличие такого риска не было доказано, и отмечает, что автор, несомненно, имеет эфиопское гражданство. Государственный секретариат по миграции счел, что утверждение автора о наличии у нее гражданства Эритреи в силу того, что ее отец был гражданином Эритреи, не было доказано и не заслуживает доверия, поскольку автор не пыталась получить эритрейское гражданство и не смогла описать конкретные шаги, связанные с его приобретением.

4.16 Государство-участник считает утверждения автора о том, что, будучи одинокой женщиной, она не сможет интегрироваться в общество в Эфиопии и что ей придется жить на улице и заниматься проституцией, просто голословными заявлениями, не подтвержденными никакими конкретными доказательствами.

По словам автора, до своего отъезда она жила одна в Аддис-Абебе. У нее имеется хорошее школьное образование, профессиональная подготовка и опыт работы медсестрой. Кроме того, она изучала дизайн одежды в Швейцарии. Помимо этого, она не утверждает, что была жертвой торговли людьми как женщина или жертвой эксплуатации в целях проституции. Ничто не указывает на то, что она не сможет найти работу в качестве медсестры. Наконец, автор не объяснила, каким образом применима к ее делу статья 11 Конвенции. Она не утверждала, что стала жертвой дискриминации в сфере занятости. Что касается докладов, на которые ссылается автор, то государство-участник отмечает, что это — документы общего характера, которые не касаются ее конкретно.

4.17 Автор прожила в Швейцарии восемь лет и пять месяцев. Утверждается, что она больше не поддерживает никаких контактов с членами семьи или друзьями в Эфиопии. Она утверждает, что после смерти матери в 2016 году у нее не было ни социальной сети, ни контактов и что у нее никого нет в Эфиопии. Она утверждала, что рекомендовавшие ее лица прекратили с ней общение из-за ее политического преследования. Государство-участник считает, что последний аргумент не является убедительным, поскольку ее утверждения в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища не были достоверными. Что касается смерти ее матери, то автор не представила никаких доказательств по этому вопросу, и это утверждение основано исключительно на ее заявлениях. Кроме того, автор не упоминала о смерти своей матери в ходе процесса по пересмотру дела в национальных органах. В своем ходатайстве о пересмотре дела от 3 декабря 2020 года она утверждала лишь то, что больше не поддерживает никаких контактов с членами своей семьи. В 2019 году она сообщила миграционным властям кантона, что ее мать умерла двумя годами ранее (в 2017 году), что не соответствует версии, изложенной ею в сообщении, согласно которой ее мать умерла в 2016 году. Наконец, утверждения автора в ходе обычной процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, касающиеся обстоятельств ее жизни в Аддис-Абебе, не были проверены или подтверждены расследованием, проведенным швейцарским представительством в Эфиопии.

4.18 По мнению государства-участника, утверждения автора о том, что в Эфиопии у нее нет никаких социальных связей поддержки, могут быть с полным основанием поставлены под сомнение. С одной стороны, это всего лишь ничем не подтвержденные утверждения общего характера³. С другой стороны, было установлено, что автор поддерживала контакты с родственниками и друзьями в Эфиопии по крайней мере до 2016 года. Автор прожила в Эфиопии, в Аддис-Абебе, значительную часть своей жизни, включая 10 лет обучения в школе, профессиональную подготовку, профессиональную и частную деятельность. Можно предположить, что она создала сеть социальных контактов, которая выходит за рамки семьи и на которую она все еще может опираться.

4.19 Государство-участник отмечает, что национальные власти приняли во внимание ситуацию в Эфиопии в целом. Оно отмечает, что автор не имеет никакого отношения к району Тыграй. Она родилась в Гимби, зоне Волега, которая находится в регионе Оромия, а затем жила в Аддис-Абебе. Что касается докладов, на которые ссылается автор, то государство-участник отмечает, что это были документы общего характера, которые не касались конкретно автора. Федеральный административный суд принимает во внимание положение одиноких женщин и признает, что социально-экономическое положение одиноких женщин в Эфиопии является тяжелым. Для того чтобы высылка подлежала исполнению, необходимо наличие благоприятных обстоятельств (включая социальные связи, среднее образование, профессиональный опыт и проживание в городе). Эти

³ См. «Х.Д. против Дании» (CEDAW/C/70/D/76/2014), пункт 7.11.

благоприятные обстоятельства призваны гарантировать, что после возвращения в Эфиопию одинокие женщины не столкнутся с ситуацией, угрожающей их существованию.

4.20 Государство-участник подчеркивает также, что положение в области прав человека в Эфиопии улучшилось. В совсем недавнем решении «Т.К.Т. против Швейцарии» (CAT/C/71/D/866/2018) от июля 2021 года Комитет против пыток отметил, что после 2018 года в Эфиопии произошло улучшение положения в области прав человека, включая освобождение политических заключенных, декриминализацию оппозиционных движений и объявление амнистии в Эфиопии для изгнанных членов оппозиции, журналистов и медийных организаций. В данном деле Комитет против пыток пришел к выводу, что автор, женщина, заявившая о политическом преследовании, не продемонстрировала наличие реальной, предсказуемой опасности лично подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию и что ее возвращение не будет представлять собой нарушение Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

4.21 В целом, в данном сообщении автор не показала, в какой мере ее высылка в Эфиопию будет представлять собой дискриминацию по смыслу Конвенции. Помимо этого, она не представила достаточных доказательств, подтверждающих ее опасения, что в случае возвращения в Эфиопию ей будет угрожать конкретная опасность преследования или бесчеловечного обращения на гендерной почве. Так, преследование, о котором говорит автор, является политически мотивированным. Кроме того, не существует никаких признаков того, что автор столкнется в Эфиопии с ситуацией, с учетом которой ее высылка не подлежала бы исполнению.

4.22 Что касается жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции, то государство-участник отмечает, что автор не указала никаких оснований для своей жалобы. В данных обстоятельствах государство-участник считает, что автор не обосновала в достаточной степени на предмет приемлемости аргумент о том, что по ее возвращении в Эфиопию возникнет реальная и предсказуемая угроза лично подвергнуться серьезным формам гендерного насилия. Она не доказала также, что оценка, проведенная национальными властями, была необъективной или основанной на дискриминационных по отношению к женщинам предвзятых гендерных стереотипах, была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии.

4.23 Государство-участник считает, что по своей сути утверждения автора направлены на оспаривание того, каким образом власти оценивали обстоятельства ее дела, применяли положения законодательства и делали выводы. Швейцарские власти пришли к выводу о том, что изложенная автором версия событий не заслуживает доверия и не является достаточно обоснованной. Никакой другой вывод не может быть сделан на основе ограниченной информации, предоставленной автором в обоснование ее сообщения. С учетом вышеизложенного государство-участник предлагает Комитету объявить сообщение неприемлемым по причине его необоснованности по смыслу статьи 4 (2) (с) Факультативного протокола.

4.24 В этой связи комментарии государства-участника по существу жалобы автора носят вспомогательный характер. Государство-участник полагает, что оно не нарушило Конвенцию по причинам, изложенным ниже. Что касается статей 2 и 3 Конвенции, то государство-участник утверждает, что в данном случае власти рассмотрели ходатайство автора о предоставлении убежища в соответствии с обязательствами государства-участника по Конвенции, поскольку имела место индивидуальная оценка ситуации автора, и представленные ею аргументы были

рассмотрены национальными органами власти. Государство-участник подчеркивает, что специальные меры для депортации автора были приняты потому, что автор отказалась сесть на рейс. Кроме того, государство-участник учитывало, что автор является женщиной, и назначило женщин в качестве сопровождающих ее сотрудников и одного из оперативных агентов.

4.25 Что касается утверждения автора о том, что ее возвращение в Эфиопию представляет собой нарушение статей 6 и 11 Конвенции, поскольку она подвергнется реальной угрозе лично оказаться в бесчеловечной и унижающей достоинство жизненной ситуации, а также риску вынужденного занятия проституцией и опасности сексуального насилия, то государство-участник заявляет, что в случае возвращения автора в Эфиопию не существует реальной и предсказуемой угрозы того, что автор лично подвергнется тяжелым формам дискриминации, гендерного насилия или бесчеловечного обращения. Таким образом, нарушения упомянутых автором статей места не имеет.

4.26 Следовательно, государство-участник считает, что оно не нарушило статьи 2, 3, 6 и 11 Конвенции.

4.27 Государство-участник утверждает, что нарушения статьи 5 допущено не было, поскольку утверждения, представленные автором, не являются достаточно обоснованными, и повторяет аргументы, представленные в отношении указанной статьи в связи с вопросом о приемлемости. По этой причине государство-участник заявляет, что оно не нарушило статью 5 Конвенции.

Комментарии автора сообщения по поводу замечаний государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своем представлении от 27 декабря 2021 года автор оспаривает возражения государства-участника относительно приемлемости жалобы.

5.2. Автор отвергает аргумент государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Она отмечает, что ей требовалась группа, состоящая из одних женщин, чтобы иметь возможность сосредоточиться, рассказывая о травмирующем опыте, полученном в полицейских участках Эфиопии. На первом слушании по вопросу о предоставлении убежища у нее не было такой возможности, в результате чего несостыковки в деталях между первым и вторым слушаниями по вопросу о предоставлении убежища являются несущественными. На втором слушании ей был предоставлен коллектив сотрудников, состоящий из одних женщин. На этом слушании она заявила, что во время первой беседы была растеряна, что привело к противоречивым заявлениям, и отметила, что первая беседа далась ей тяжело. Повторяя свой рассказ об избиениях в полиции, она заявила также, что это негативно сказалось на ней как физически, так и психологически. Кроме того, она прямо заявила, что до сих пор испытывает психологический стресс от последствий того допроса. Государственный секретариат по миграции обязан предоставить автору полностью женский коллектив сотрудников именно потому, что в противном случае у заявителей не будет полного доверия, чтобы подробно рассказать о своих основаниях для получения убежища (см. статью 17 Закона «Об убежище», статьи 5 и 6 постановления «Об убежище 1» и методические указания Государственного секретариата).

5.3 Во время первой процедуры подачи ходатайства о предоставлении убежища автор не была представлена адвокатом ни во время собеседования, ни при подаче апелляции. Обязательства государства-участника по Конвенции были явно нарушены ввиду того, что оценка была проведена без учета гендерного фактора и против автора использовались заявления, сделанные на слушании,

которое было организовано также без учета гендерного фактора. В заключение следует отметить, что, не будучи представлена адвокатом, автор все же достаточно убедительно довела до сведения Государственного секретариата по миграции и Федерального административного суда тот факт, что она чувствовала себя неуверенно и растерянно во время первого слушания по вопросу о предоставлении убежища.

5.4 Кроме того, утверждение государства-участника о том, что автор должна была затронуть гендерный аспект своей жалобы в последующем ходатайстве о пересмотре или о повторном рассмотрении, вводит в заблуждение. Согласно швейцарскому законодательству, ходатайство о повторном рассмотрении должно быть основано либо на новых фактах, либо на новых доказательствах, но ни того, ни другого у заявителя не было, поэтому это ходатайство просто отклонили бы без принятия официального решения (ст. 111 (b) (4) Закона «Об убежище»). Непонятно, как автор могла затронуть этот аспект в каком-либо последующем ходатайстве.

5.5 Автор указала на тот факт, что индивидуальная оценка рисков не проводилась, например в ее апелляции от 8 января 2021 года и в ходатайстве о повторном рассмотрении дела от 3 декабря 2020 года. Федеральный административный суд прямо признал это утверждение в своем промежуточном решении от 13 января 2021 года, указав, что автор утверждает, что в ходе предыдущего разбирательства основания для защиты не были оценены в индивидуальном порядке.

5.6 Таким образом, в меру своих возможностей на национальном уровне автор полностью изложила свои жалобы на проведение слушания без учета гендерного фактора и отсутствие индивидуальной оценки. Не смогли обеспечить подробное и тщательное рассмотрение дела автора с необходимым учетом гендерной специфики на всех этапах именно органы власти.

5.7 Кроме того, не известно ни одного внутреннего средства правовой защиты, с помощью которого можно было бы оспорить высылку спецрейсом уровня 4. Государство-участник не указало в своих замечаниях, какое внутреннее средство правовой защиты было бы доступно автору для использования против такой организации перелета. Согласно швейцарской практике, заявителя и его или ее адвоката не информируют о способе высылки, планируемом уровне ограничения свободы (в данном случае — уровень 4), дате рейса уровня 4 или любых других деталях принудительного возвращения — именно для того, чтобы предотвратить любые судебные иски против таких действий по высылке. Государственный секретариат по миграции сообщил о спецрейсе уровня 4 только ответственному кантональному органу, но не законному представителю автора. Представители автора так и не получили официального решения по этому вопросу с возможностью его обжалования. Напротив, они узнали о нем случайно, когда дело было обнародовано 12 января 2021 года. Как следствие, на национальном уровне фактически не существует действенного средства правовой защиты, которое автор мог бы использовать против организации специального вывозного рейса уровня 4. Отменив приостанавливающее действие в своем промежуточном решении от 13 января 2021 года, Федеральный административный суд (по крайней мере косвенно) одобрил запланированную высылку автора спецрейсом уровня 4. Даже если бы внутреннее средство правовой защиты от принудительного возвращения таким способом теоретически существовало, на деле с его помощью было бы невозможно обеспечить приостановление действия, а следовательно, и эффективную помощь в имевшиеся крайне сжатые сроки.

5.8 Что касается рассказа автора о ее преследовании со стороны полицейского, то на первом слушании она упомянула о том, что была арестована и допрошена эфиопской полицией и что она боится полиции, поскольку «они нас

преследуют». Она сказала, что «они используют политические потрясения как предлог для запугивания» и что в результате она не смогла найти защиты у полиции. Автор вновь заявила о своих арестах и допросах на собеседовании по существу вопроса о предоставлении убежища и сообщила, что полиция регулярно избивала, преследовала и оскорбляла ее. То, что сотрудник полиции пригласил ее на свидание в качестве средства шантажа, было (по праву) воспринято автором как оскорбление и подпадает под категорию и понятие «домогательство». Автор чувствовала себя некомфортно, рассказывая в подробностях о сексуальном характере этого комментария в ходе собеседования по вопросу о предоставлении убежища. В своей апелляции автор попыталась также объяснить негативное психологическое воздействие, которое оказали на нее допросы в полиции. Вопрос о преследовании со стороны полиции уже был в достаточной степени затронут автором на очень ранней стадии разбирательства, пусть и не во всех подробностях. Причиной тому были стигматизация и чувство стыда, связанные с сексуальным надругательством, которые не позволили автору поднять этот вопрос.

5.9 О смерти матери автора швейцарским властям было известно с 31 мая 2019 года. В официальном досье автора действительно было прямо указано, что «у нее больше нет родственников на родине, поскольку ее мать умерла два года назад». По процедурным причинам автор не могла использовать смерть своей матери в качестве нового основания в разбирательстве по своему делу.

5.10 Автор оспаривает также утверждение государства-участника о том, что жалобы на то, что власти не обеспечили слушание с учетом гендерных аспектов и не провели индивидуальную оценку рисков, явно необоснованы и недостаточно подкреплены доказательствами. Автор утверждает, что швейцарские власти не провели слушание с учетом гендерных факторов в ходе ее первого собеседования 7 августа 2012 года (это собеседование проводил мужчина, которому помогала женщина-переводчица), что не позволило ей свободно и без страха изложить факты по своему делу. Как во время второго слушания с женским коллективом сотрудников, так и в апелляции от 29 июля 2015 года автор описала растерянность, которую она испытала во время первого собеседования, когда она пыталась рассказать о своем опыте, связанном с эфиопской полицией. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев рекомендует при необходимости проводить второе или третье слушания, с тем чтобы создать доверительную атмосферу, позволяющую изучить все относящиеся к делу основания для запроса убежища в делах с гендерной спецификой⁴. Во время второго слушания с участием сотрудников исключительно женского пола заявительница постепенно смогла говорить откровенно и рассказать о пережитых побоях и оскорблениях, которые носили явно гендерный характер.

5.11 Автор отмечает, что расследования, проводимые государством-участником в стране под руководством швейцарского представительства в Аддис-Абебе, представляют собой весьма сомнительный, вызывающий много юридических вопросов и крайне рискованный метод «проверки фактов», который может подвергнуть автора еще большему риску. Подробности таких расследований не раскрываются заявителю в полном объеме в соответствии с постоянной практикой государства-участника, что фактически делает невозможным серьезное рассмотрение любых их результатов.

⁴ Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, “Guidelines on international protection: gender-related persecution within the context of Article 1A(2) of the 1951 Convention and/or its 1967 Protocol relating to the Status of Refugees”, para. 36 (viii).

5.12 Кроме того, во время второго собеседования с автором сообщения государство-участник посвятило большую часть вопросов ее личности, биографии и гражданству и лишь несколько (45 из 209 вопросов) — фактическим основаниям для запроса убежища, позволявшим получить информацию о ее индивидуальных рисках. Государству-участнику следовало бы уделить должное внимание относящимся к делу фактам, изложенным автором. Так, в своей апелляции автор впервые упомянула, что у нее имеются психологические проблемы и что эти проблемы мешают ей свободно выражаться. Информация психотерапевта автора подтверждает эти заявления. В целом, четко установлено, что автор подверглась гендерному насилию в Эфиопии и что — даже несмотря на некоторые незначительные расхождения в ее заявлениях — ее заявления точно отражают травматический опыт, который она пережила. Кроме того, с точки зрения специалиста по психическому здоровью, способ раскрытия информации о ее прошлом типичен для жертв, страдающих от посттравматического стрессового расстройства. В заключение следует отметить, что утверждения государства-участника неверны и должны быть отклонены. Кроме того, ссылка государства-участника на предполагаемые «благоприятные факторы» не только ошибочна, но и не имеет никакого отношения к делу, если должным образом принять во внимание всю ситуацию.

5.13 Что касается реального личного риска, которому она бы подверглась, то, кроме автора, все остальные репатрианты были мужчинами, и — за исключением одного или, возможно, двух сотрудников — все сотрудники, участвовавшие в организации рейса и присутствовавшие на нем, также были мужчинами. Автор, несомненно, была бы единственной депортируемой женщиной, что само по себе было бы в высшей степени дискриминационным фактором, поскольку депортационные рейсы уровня 4 не отвечают особым потребностям женщины, получившей сильную психологическую травму, находясь в группе мужчин. Один лишь факт присутствия на рейсе женщины-полицейской или женщин-полицейских отнюдь не гарантирует гендерно чувствительного подхода, скорее наоборот — если учесть, что на борту самолета находится значительное количество мужчин, будь то депортируемых или полицейских. Автор была бы единственной женщиной, передаваемой эфиопским властям в аэропорту, что вновь поставило бы ее в крайне уязвимое положение и подвергло бы очень высокому риску дискриминации по половому признаку. Даже простое нахождение рядом с таким значительным числом полицейских-мужчин, которые зачастую применяют значительное насилие в отношении депортируемых, в сочетании с постоянным страхом автора перед гендерным насилием со стороны полицейских из-за ее психологической травмы, ни в коем случае не может квалифицироваться в качестве проявления гендерно чувствительного подхода к организации рейсов для репатриантов.

5.14 Автор с самого начала упоминала, что ее семья подвергалась преследованиям из-за политических связей с Фронтом освобождения оромо. Преследования, которым автор уже подверглась по причине политических взглядов и этнического происхождения, в форме полицейских обысков и арестов были сопряжены с серьезной дискриминацией по гендерному признаку, включая сексуальные оскорбления со стороны сотрудников полиции. Более того, со смертью матери автор не только потеряла последнего живого родственника в Эфиопии, с которым она могла поддерживать связь, но и последний источник дохода (продажу напитков). Жалоба была достаточно обоснована, в том числе в части реальной опасности лично оказаться в бесчеловечной и унижающей достоинство жизненной ситуации, риска вынужденного занятия проституцией и опасности сексуального насилия по возвращении в Эфиопию, и ни в коем случае не является явно необоснованной.

5.15 Что касается существа сообщения, то в отношении статей 2 и 3 Конвенции автор отвергает аргумент государства-участника, касающийся индивидуальной оценки ее положения и применения гендерного подхода. Она отмечает, что государство-участник не обеспечило ей индивидуальную оценку рисков и не учло специфические для женщин аспекты в ходе рассмотрения ее ходатайств о предоставлении убежища и разбирательствах в отношении возвращения. Автор вновь заявляет, что специальные меры, принятые для ее возвращения, приведут к ее повторной травматизации, поскольку в них не учитывается гендерный фактор, и в случае возвращения в Эфиопию она подвергнется весьма высокому риску дискриминации по гендерному признаку.

5.16 Что касается статьи 5 Конвенции, то автор отвергает аргумент государства-участника о том, что в случае ее возвращения в Эфиопию для нее не существует реальной, личной и прогнозируемой опасности дискриминации по гендерному признаку. Она утверждает, что возвращение в Эфиопию подвергнет ее постоянному риску сексуального и гендерного насилия с учетом традиционных гендерных ролей в Эфиопии.

5.17 Что же касается статей 6 и 11 Конвенции, то автор утверждает, что в случае возвращения в Эфиопию она столкнется с реальным риском применения пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения по гендерному признаку, а также с реальным риском вынужденного занятия проституцией как единственного способа заработать на жизнь, с учетом того, что она является одинокой молодой женщиной без социальной и экономической поддержки и нуждается в срочной помощи в части охраны психического здоровья для исцеления психологической травмы, полученной в результате гендерного насилия, которому она подверглась в Эфиопии.

5.18 С учетом вышеизложенного автор утверждает, что существует реальная опасность того, что в случае высылки обратно в Эфиопию она подвергнется действиям, которые квалифицируются в Конвенции как акты дискриминации, и делает вывод о том, что ее высылка будет представлять собой нарушение статей 2, 3, 5, 6 и 11 Конвенции.

Дополнительная информация, представленная сторонами

6.1 4 мая 2022 года автор обратила внимание Комитета на две недавние публикации, в частности на доклад организации humanrights.ch о бесчеловечной швейцарской практике принудительной депортации воздушным транспортом⁵ и на документ с изложением позиции Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев по вопросу о возвращении в Эфиопию⁶.

6.2 7 июня 2022 года государство-участник заявило, что новые документы, представленные автором, носят общий характер и конкретно ее не касаются. Кроме того, автор утверждает, что эти документы свидетельствуют о нарушении ее прав по Конвенции против пыток, в то время как ее сообщение касается предполагаемого нарушения ее прав по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Государство-участник отмечает, что автор не обосновала, каким образом упомянутые публикации свидетельствуют о том, что она подвергается дискриминации по гендерному признаку.

⁵ humanrights.ch, “Vols spéciaux: la pratique suisse menace les droits humains”, 4 April 2022. См. www.humanrights.ch/fr/nouvelles/rapatriements-aerienne-pratique-suisse-menace-droits-humains.

⁶ Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, “Position on returns to Ethiopia”, March 2022. См. www.refworld.org/docid/623079204.html.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

7.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом. Согласно правилу 72 (пункт 4) Комитет должен решить этот вопрос до рассмотрения существа сообщения.

7.2 В соответствии с подпунктом а) пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола Комитет убедился в том, что этот вопрос еще не был рассмотрен и не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола Комитет не рассматривает сообщение, пока он не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны за исключением случаев, когда применение таких средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат. Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что она исчерпала все внутренние средства правовой защиты, а государство-участник оспорило приемлемость ее сообщения на этом основании.

7.4 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что Швейцария нарушит ее права по статьям 2 b)–g), 3, 5, 6 и 11 Конвенции, если автор будет депортирована в Эфиопию, поскольку из-за ее этнического происхождения, происхождения ее отца, известных политических взглядов и деятельности ее дядей и усиливающегося кризиса в Эфиопии она как одинокая женщина будет подвергаться риску гендерного насилия и вынужденного занятия проституцией. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что она потеряла свою семью и социальную поддержку и не имеет экономической поддержки. Комитет, в частности, принимает к сведению утверждение автора о том, что она в меру своих возможностей на национальном уровне полностью изложила свои жалобы на отсутствие гендерно чувствительного слушания и индивидуальной оценки.

7.5 Комитет отмечает, что государство-участник опровергает утверждение автора и заявляет, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку она не доводила свои жалобы, представленные Комитету, до сведения национальных компетентных органов. Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 4 (1) Факультативного протокола авторы должны использовать все доступные внутренние средства правовой защиты. Он также напоминает о своей судебной практике, согласно которой автор должен реально подать на национальном уровне ту жалобу, которую он хочет представить в Комитет⁷, с тем чтобы власти и/или национальные суды имели возможность принять решение по этой жалобе⁸.

7.6 В данном случае Комитет отмечает, что автор по существу и в меру своих возможностей изложила свои утверждения в отношении предполагаемого отсутствия учитывающего гендерную специфику слушания, а также индивидуальной и гендерно чувствительной оценки, включая вопрос о преследовании со стороны полиции, хотя и не во всех подробностях с самого начала внутреннего разбирательства, что давало национальным властям возможность изучить эти

⁷ См. «Кайхан против Турции» (CEDAW/C/34/D/8/2005), пункт 7.7, и «М.А. против Швейцарии» (CEDAW/C/80/D/145/2019), пункт 6.7.

⁸ См. «Н.С.Ф. против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» (CEDAW/C/38/D/10/2005), пункт 7.3, и «М.А. против Швейцарии», пункт 6.7.

утверждения. Поэтому Комитет считает, что статья 4 (1) Факультативного протокола не является препятствием для признания сообщения приемлемым.

7.7 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что первое слушание, проведенное властями, не было проведено с учетом гендерного фактора и что власти не провели индивидуальную оценку риска в нарушение прав автора по статьям 2 (е) и (f) и 3 Конвенции. Комитет также принимает к сведению жалобу автора на то, что ее высылка специальным рейсом будет противоречить запрету на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и гендерное насилие, ссылаясь на статьи 2 и 3 Конвенции.

7.8 Вместе с тем Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что жалобы автора явно необоснованны и недостаточно подтверждены, поскольку национальные власти провели индивидуальную оценку риска, а автор не смогла продемонстрировать какие-либо процедурные ошибки при рассмотрении ее ходатайства о предоставлении убежища и первоначальных оснований для предоставления убежища. Комитет отмечает, что первое слушание касалось личных данных и проводилось мужчиной, которому помогала женщина-переводчица, а второе слушание проводила женщина. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что ни на одном из слушаний автор не приводила никаких аргументов, касающихся гендерных аспектов. Комитет отмечает, что автор имела возможность свободно выражать свои мысли, хорошо понимала переводчицу и подтвердила точность протокола. Комитет также отмечает, что противоречия в рассказе автора не связаны с аргументами, касающимися гендерных аспектов, и не могут быть объяснены тем, что первое слушание проводил мужчина.

7.9 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не смогла доказать, что в случае возвращения в Эфиопию она подвергнется реальному личному риску, включая «цепную» высылку в Эритрею. Помимо этого, Комитет отмечает, что органы государства-участника, занимающиеся вопросами предоставления убежища, тщательно изучили ходатайство автора как на обычной, так и на чрезвычайной стадиях процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища и сочли недостоверными утверждения автора о том, что она и ее семья подозревались в поддержке Фронта освобождения оромо, были арестованы и избиты полицией в результате политического (а не гендерного) преследования. Кроме того, власти нашли в ее деле благоприятные индивидуальные факторы, такие как ее школьная и профессиональная подготовка, а также профессиональный опыт работы медсестрой. Комитет отмечает, что автор не заявляла о том, что она является жертвой торговли людьми как женщина или жертвой эксплуатации в сфере проституции, и что она прожила в Аддис-Абебе значительную часть своей жизни. Комитет также принимает к сведению, что автор легально покинула Эфиопию на самолете по своему паспорту.

7.10 В этих обстоятельствах Комитет считает, что автор недостаточно обосновала свое заявление и не раскрыла подробно факты и выдвинутые аргументы на предмет приемлемости, с тем чтобы продемонстрировать, что в случае ее высылки в Эфиопию она, будучи одинокой женщиной, столкнется с реальной, личной и предсказуемой опасностью оказаться в бесчеловечной и унижающей достоинство жизненной ситуации, а также с риском сексуального насилия и вынужденного занятия проституцией. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что данное сообщение является неприемлемым по смыслу статьи 4 (2) (с) Факультативного протокола. Комитет надеется, что государство-участник примет надлежащие меры для обеспечения того, чтобы высылка автора осуществлялась с учетом гендерных аспектов.

8. В силу вышеизложенного Комитет постановляет:

а) признать сообщение неприемлемым по смыслу статьи 4 (2) (с) Факультативного протокола;

б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора сообщения.
